

*кандидат педагогических наук,
доцент кафедры мировой
литературы и культуры имени
проф. О. Мишукова Херсонского
государственного
университета*

ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ "ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" В ГРОТЕСКНОЙ ПРОЗЕ А. СЛАПОВСКОГО

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Современная проза, развивая классическую традицию в новых историко-культурных координатах, исследует проблему границ внутреннего "Я", ставит вопрос о соотношении личности и ее социального образа. Утрата собственной идентичности, ее расслоение и внутренний конфликт проекций внутреннего "Я" – актуальная проблема литературы рубежа второго и третьего тысячелетий.

Традиционный для русской психологической прозы вопрос о самоидентификации личности на новом этапе находит свое решение в парадигме гротескной образности не только в постмодернистской традиции, но в русле реалистического направления, в контексте идеи новой гуманности. "Новая искренность" и "неосентиментализм" как тенденции современной литературы постулируют возвращение к "человекоцентризму", отказ от хаоса ради космоса. Для характеристики таких стратегий современной прозы критики (Н. Иванова, М. Липовецкий, Н. Лейдерман, С. Чупринин, Д. Штурман и др.) используют понятия "сверхреализм", "постреализм", "новый реализм", "реализм". Это художественный метод, который "нащупывает в хаосе спасительные духовно-бытийные координаты" [3]. В русле этих тенденций развивается проза А. Слаповского.

Проблема поиска нравственной аутентичности героя в эпоху глобальной деструкции находит свое решение в парадигме реалистического гротеска Слаповского. "Алексей Слаповский – знаковая фигура современной литературы: он "открыт" и серьезной прозе, и массолиту, и применяет приемы второго – к первой" [2, с. 6]. Слаповский пристрастен и к фантастическим допущениям, отличительной чертой является то, что реализует он их в "героикокомическом регистре" [2, с. 6]. Среди его произведений гротескно-фантазийной и одновременно традиционно-реалистической направленности – целый ряд романов, получивших широкое признание читателей и критики, неоднократно номинированных на Букеровскую премию, среди них: "Я – не Я" (1992), "Первое второе пришествие" (1993), "Анкета" (1997), "День денег" (1999), "Участок" (2004), "Качество жизни" (2004), "Мы" (2005), "Они" (2005), "Оно" (2006), "Синдром Феникса" (2007) и др. О гротескных интенциях своей прозы А. Слаповский так пишет в предисловии к роману "День денег": "Мне интересно то, чего не бывает – или бывает редко. Потому что остальное вы и сами знаете, а это знаю только я" [11].

Проблема нравственной аутентичности "героя нашего времени" является сквозной у Слаповского, она особым образом структурирует все творчество писателя. Специфический метатекст его прозы строится на внутренних смысловых рефренах, многочисленных автоотсылках, сознательных самоповторах в варьировании ключевой темы всей романной прозы Слаповского: "русский человек рубежа столетий в поисках собственной личности" [6, с. 231]. В романах Слаповского центральным мотивом всегда выступает "единоборство человека и навязываемой ему социальной реальностью роли, отказ (сознательный, обусловленный случаем, временный, радующий, страшный) от принадлежности к той или иной "группе лиц", которую все прочие рады назвать местоимением третьего лица множественного числа. "Я не "из них" (и не "из нас"), а сам

по себе", – словно бы говорили (с очень разными интонациями) персонажи Слаповского" [6, с. 232]. Обрести самого себя – вот девиз поисков его героев, которые пытаются сорвать чуждые им маски, заменившие подлинное лицо. Конфликт "Я – Иной" обуславливает идейную и сюжетную специфику его произведений. Особенностью гротескной образности в поэтике Слаповского, ее главным механизмом, выступает определенный векторный сдвиг условного "Я" относительно аутентичного "Я" личности героя, что соотносится с центральной, сквозной идеей его метапрозы. Инвариантами такого сдвига, по нашим наблюдениям, выступают гротескные модели "Я-не-Я", "Я-норма/Я-патология", "Я-Мы", "личностное Я-Анкетное Я".

В романе А. Слаповского "Я-не-Я" утрата самоидентификации героя является главной сюжетобразующей идеей. Классическая тема поисков исконного "Я", растворенного во множестве навязанных извне личин и социальных ролей, транслирована в гротескный план условного допущения. "Главный герой, – замечает А. Незмер, – "измочаленный на сто процентов предсказуемо бессобытийным, одномерно тоскливым бытием позднесоветских лет (тех самых, что позже будут названы "застоем") странствует по чужим телам (жизням, судьбам), чем дальше, тем больше ощущая необходимость вернуться в собственную жизнь, из "не я" в "я"" [6, с. 231-232].

Главный герой романа Неделин подвергается странным метаморфозам: он "входит" в облик других людей, как в новую квартиру, унаследовав вместе с внешностью и судьбу, достоинства и недостатки бывшего владельца. Фантастическим механизмом переселения личности Неделина в иные тела выступает древний фольклорный трюк: достаточно искренне позавидовать судьбе друг друга, и таинство переселения душ свершится. Гротескная образность текста создается на основе механизма прагматизации метафоры – путем перевода образного выражения в буквальный план. А. Слаповский в предисловии к роману "Я-не-Я" поясняет: "Мне иногда нравится переводить образные выражения в буквальный план. Например: "выйти из себя". Представим: человек выходит из себя, закрывает дверь на два замка, садится в машину, едет в офис... Усталый, возвращается – а себя нет" [13]. "Буквализуя" другую идиому "побывать в чужой шкуре", Слаповский моделирует сюжетно другую, однако по своей сути ту же историю: "И вот засада, и вот медведь выходит на вас, вы стреляете... И видите перед собой охотника, и понимаете, что вы и есть медведь, но поздно, пуля уже летит в вас, а кто выстрелил?" (А. Слаповский "Я-не-Я") [13]. Лейтмотивом романа становятся слова, предпосланные тексту: "...печально то время и место, в которых никто не хочет быть собой" [13].

Главный герой романа Неделин пребывает в особом пространстве, очерченном автором словами "будничная обыденность". Остро испытывая одиночество и безрадостность существования, он с надеждой заглядывает в чужие окна, втайне мечтая "одновременно быть и там, и там, и там, среди этих глупых людей, которым Бог дал ни за что ни про что умение плотно чувствовать самих себя и окружающие вещи" [13, с. 14]. Он стремится ощутить себя в карнавальной маске иной личности, другой судьбы и тем самым преодолеть будничную серость собственной жизни. Механизм развития сюжета имеет фольклорный генезис, типологически близкий волшебной сказке с превращениями героя в иных лиц или животных. Неделин несколько раз меняет внешность и биографию, перевоплощаясь в других персонажей. При смене внешних декораций своей жизни, он внутренне остается идентичным своему изначальному "Я". Покидая свое тело и принимая новую физическую оболочку, он меняет лишь ракурс видения действительности. Прием гротескной трансформации персонажа выступает способом "заострения" его восприятия окружающего мира и самого себя. Ощущая внутреннюю дистанцию между своим "Я" и личностью прежнего хозяина тела, в которое он "вселился", Неделин получает стимул не только измениться самому, но и изменить к лучшему доставшуюся ему вместе с телом судьбу человека.

Бинарная оппозиция "Я-не-Я" получает множественную интерпретацию в романе, это не только различные персоны в их фантастическом пересечении, но и грани

собственного "Я" героя в стремлении идентифицировать себя как личность, среди множества ложных "Я" найти подлинное. Эта проблема пересекается с философскими категориями "свой/чужой", "внешнее/внутреннее", размывая традиционные границы оппозиции. А. Немзер отмечает, что "творчество не может не размывать границу между тем, что "внутри", в душе сочинителя-мечтателя, и тем, что "вовне", за приоткрытыми ставнями" [7].

Фабула романа состоит из цепочки жизней-превращений, в каждой из которых герой перемещается не только по социальной лестнице, но и по шкале нравственной деградации. Он последовательно меняет внешнюю составляющую своей личности, превращаясь в жулика, главу СССР, рок-певца, алкоголика и даже в курицу. Примеряя судьбы других людей как социальные маски и костюмы, неся бремя чужих пороков и несчастий, Неделин все более и более становится собой, освобождаясь от наносного в своей душе. Различные гротескные образы, в которых неразрывно сосуществуют два различных человека или же человек и животное, во многом сходны с готическими гротесками, восходящими к мистическому переселению душ, вхождению в душу дьявола, телесным метаморфозам. Однако у Слаповского это лишь интертекстуальный игровой прием, подчиненный реалистическим, социально-психологическим аспектам осмысления личности. Его путешествие из тела в тело генетически восходит к традициям реалистического гротеска, призванного смещением привычных связей и форм обнажить скрытую за ними сущность человека и общества.

Такой гротескный ход дает возможность автору не только исследовать процессы обретения самого себя, но и создать пестрое полотно героев-масок нашего времени. Все они выписаны по законам карнавала, в структуре их образа доминирует бутафорское, искусственно созданное, кукольное "Я". Вереница героев – доноров тела – это набор балаганных марионеток, утративших собственную личностную ценность. Жулик Запальцев бежит от закона, он рад принять "чистую" биографию Неделина. Генеральный Секретарь – человек-фантом, функции которого давно выполняют "люди в сером". Поп-певец Субтеев – это призрачный PR-проект ловкого коммерсанта от шоу-бизнеса, рассылающего "клоны" раскрученного певца с концертами по всей стране. Пьяница Фуфачев – деградант, ведомый алкогольной зависимостью. Апогеем гротескной метаморфозы становится утрата Неделиным человеческого облика: герой очутился в теле курицы. Гротескный образ отображает максимальную амплитуду человеческого и животного начал, соединенных в структуре сознания современного героя. Образ курицы – традиционный парафраз примитивизма, глупости, обыденности. "Человек-курица забулькал горлом, поднялся на четвереньки, потом, шатаясь, встал на ноги, спотыкаясь на каждом шагу, вошел в курятник, встревожено говоря: "Ка-а? Ка-а?" [13, с. 278].

Цепочка превращений сюжетно построена так, что "путь к себе" у Неделина лежит через обратные последовательные превращения всех ее участников. Круг путешествия "от себя – к себе" – путь нового пародийно сниженного Одиссея – пролегает по волнам человеческих судеб, которые на время становятся личной судьбой и главного героя. Гротескный пафос романа предполагает не только социальный, но и игровой план восприятия текста. Игровой подтекст, по наблюдению А. Немзера, закодирован во временном путешествии героя по дням недели, в своеобразном хронотопе "вечного возвращения": "В неделе семь дней: Неделин, глядящий на других, Запальцев, Главный, Субтеев, Фуфачев, курица – шестеро. Седьмой – Неделин после возвращения, оказавшегося мнимым" [7].

По мнению критиков, Неделин реализует гротескный тип "человека без свойств", который так и не нашел себя. "Опыт Неделина, красноречиво описанный тезкой и однофамильцем романного Алексея Слаповского, блестяще доказывает: в прошлое вернуться нельзя. Есть в этом опыте и более грустный намек". Таков, по мнению А. Немзера, итог круговорота метаморфоз в романе "Я-не-Я" [7]. В нашем же прочтении герой восстанавливает свое обезличенное буднями "Я". Самоочищение личности

происходит в диалоге "Я-Иной", в процессе помощи людям, оказавшимся в радиусе метаморфоз его личности, в восстановлении лучших качеств, некогда утраченных персонажами-донорами. Роман завершается раздумьем героя, а финальный образ дороги становится метафорой бесконечного духовного пути: "И он, пожалуй, вернется, но не сейчас, сейчас он должен уехать, ему надо... – впрочем, что надо, он решит в дороге" [13, с. 364].

В романе А. Слаповского "День денег. Плутowski роман" средствами гротеска реализован личностный сдвиг "Я-норма/Я паталогия". Это современная интерпретация традиционного мотива "Я в поисках своего Я". Механизмом гротескной образности является традиционный фольклорно-литературный ход "хождения за правдой", в результате чего герои романа Слаповского, выступающие аналогами растерянности и разобщенности человеческого "Я", находят смысложизненную истину, являющуюся нравственным стержнем некоего собирательного героя. Традиционные мотивы в романе гротескно перевернуты. Искателем совести является современный пройдоха-пьяница, дебошир, философствующая душа которого взыскует истины. Специфику "Плутowski романа" у Слаповского определяет как минимум две жанровые категории: герой-трикстер и особая манера повествования – иронично-игровая. Традиционно плутowski роман приоткрывал широкую пространственно-временную картину быта и нравов, связанных с эпизодами походов героя-пикара. В романе Слаповского герой представляет мир антикультуры, вместе с тем это новый юродивый современной атеистической эпохи. Соединение проявлений антикультуры и поиска нравственного идеала создает гротескно-амбивалентный образ героя конца XX века. В романе просвечиваются внутрилитературные "коды", схемы и модели, позволяющие увидеть в гротескном сращении художественных дискурсов не только социальные пути исканий, но интертекстуальные, игровые. Роман представляется прежде всего "похождениями по тексту литературы".

Центральным мотивом, структурирующим сюжетно-композиционное пространство текста, является своеобразный гротескный парафраз поэмы Некрасова "Кому на Руси жить хорошо". Трое друзей, изначально собравшихся "сообразить на троих" и побеседовать по душам, случайно находят большую сумму денег и решают с их помощью провести некий эксперимент – восстановить жизненную справедливость. Они отправляются на поиски того, кому "хуже всех". Мотив случайно найденных денег, внезапного богатства, найденного клада, характерный для русской бытовой сказки, – традиционно связывался с нечистой силой. Образ "нечистых денег", ведущих к искушению и гибели нашедшего их, является одновременно и архетипом бытового сознания современного человека.

Эксперимент трех бывших одноклассников (гротескная типология образов "Три мушкетера", "Три товарища" и др.), предпринимаемый в духе романтики "пьяного идеализма", последовательно ведется в трех основных направлениях: "помочь самому несчастному", "покарать самого подлого" и "вознаградить самого достойного". Автором этих "проектов" становится пьяница-философ Змей под воздействием остро переживаемой им вины: как-то он оттолкнул ребенка, просившего у него денег на хлеб. В своих мыслях и переживаниях он ассоциируется с героями Достоевского, становясь пародийным двойником князя Мышкина. Змей ищет способ загладить вину в своей душе. "Идея! – горячо сказал Змей. – Будем искать не тех, кому хуже, а тех, кого спасти можем! Спасем, и Бог мне мальчика простит" [11, с. 54]. С уст героя слетают высокие цитаты, гротескно контрастируя с его образом жизни и стилистическим контекстом высказываний и рассуждений друзей-собутельников. "Да, я циник! А ты, если мир расколот и трещина проходит через твое сердце, откажись от пива!" [11, с. 36].

Герои романа воплощают гротескно-перевернутую логику позитивного идеала. Конфликт между тем, каков человек "есть", каким он "может быть", но "не будет никогда", собственно, и определяет драматургизм прозы А. Слаповского. В предисловии к

роману "День денег" автор так изложил эту идею: "Помните детскую игру: "Что бы я сделал, если бы у меня была волшебная палочка"? В первую очередь каждый хотел мира во всем мире. Потом здоровья и вечной жизни маме и папе. Ну а уж потом и себе что-нибудь: kilo конфет или новые коньки. Мальчик, говоривший это, вырос, и стал бравым командиром и во славу родины убил несколько десятков человек в "горячей точке". Вернулся и, будучи слишком занят, сдал маму в дом престарелых... Мне не интересно, когда человек хуже себя или равен себе. Мне интересно, когда он лучше себя..." [11].

Реалистическая ситуация романа, с глубокой жизненной коллизией и трагическим подтекстом, зачастую разрешается в духе "лубка", "примитива" или невозможного в реальной жизни "хеппи энда". Весомость поднятых автором жизненных проблем и утопическая наивность способов их разрешения создают гротескное поле повествования. Разрыв причинно-следственной связи, ее перекодировка с правдоподобной на жизнеподобную и определяют особенности сказовой манеры повествования рассказчика и одновременно героя романа писателя А. Слаповского. Вместе с тем такой художественный метод открывает глубинную правду о человеке и времени.

Таким образом, проблема самоидентификации личности в прозе А. Слаповского актуализирует классическую проблему "героя нашего времени" и в духе этого времени реализует ее способами гротескного моделирования на основе де/реконструкции классических черт героя русской литературы, используя приемы ироничного переворачивания оси ценностных приоритетов личности и общества; применяя принцип "двойного кодирования", пародийно-ироничного модуса повествования в единстве с пронзительно-лирическим началом и авторским осмыслением ценности обретения личностного "Я" его современником.

Литература:

1. Заколдованный Слаповский [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета 2006 (от 6 февраля). – Режим доступа : <http://www.vz.ru/culture/2006/2/6/21559.html>
2. Иванова Н. Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности / Н. Иванова. // Знамя. – 2006. – № 11. – С. 3-7.
3. Иванова Н. Ностальгическое. Взгляд на литературу новой России: 90-е [Электронный ресурс] // Виртуальная библиотека журнала "Знамя". – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano.html>
4. Курский А.А. Слаповский День денег. Плутувский роман [Электронный ресурс] // Волга. – 1999. – № 9. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/volga/1999/9/kursk.html>
5. Ливантовская (Воробьева) Е. Жизнь как анкета и как сюжет: [Рецензия на роман А. Слаповского "Анкета. Тайнопись открытым текстом". – "Звезда", 1997, № 2 – 3] [Электронный ресурс] // Новый мир, 1998. – № 2. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/2/rec02.html
6. Немзер А. В поисках скрытого "я" // Немзер А. Дневник читателя: Русская литература в 2006 году. / А. Немзер. – М.: Время, 2007. – 320 с. – С. 231-234.
7. Немзер А. Завещание Дельвига [Рецензия на роман А. Слаповского "Я — не я". "Волга". 1992, № 2-5/6] [Электронный ресурс] // Андрей Немзер. Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е. М.: "Новое литературное обозрение" /А. Немзер. – 1998. – 432 с. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/redkol/nemzer/nemze083.html
8. Слаповский А. Алексей Слаповский: литература как чудо. Интервью А. Слаповского В. Иткину [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.top-kniga.ru/kv/interview/interview.php?ID=7730>
9. Слаповский А. Алексей Слаповский: Я никогда не занимался тем, что было неинтересно: Интервью А. Слаповского О. Богомоловой [Электронный ресурс] //

Время новостей № 9 от 22 января 2004. – Режим доступа: <http://www.vremya.ru/2004/9/10/89657.html>

10. Слаповский А. Анкета: Роман. Пыльная зима: Повесть / А. Слаповский. – М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. – 365 с. – (Современная отечественная проза).
11. Слаповский А. День денег: Плутовской роман. / А. Слаповский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 272 с.
12. Слаповский А. Мы: Роман / А. Слаповский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 544 с.
13. Слаповский А. Я – не Я.: Роман. / А. Слаповский. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. – 368 с.
14. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. / С. Чупринин. – М.: Время, 2007. – 768 с.

Анотація

Н. НЕВ'ЯРОВИЧ. ПРОБЛЕМА САМОІДЕНТИФІКАЦІЇ "ГЕРОЯ НАШОГО ЧАСУ" В ГРОТЕСКНІЙ ПРОЗІ А. СЛАПОВСЬКОГО. СТАТТЯ ПЕРША

У статті досліджується проблема особистісної ідентичності та етичного самовизначення героя в гротесково-ігровій парадигмі постмодерністського роману "Я-не-Я"; аналізується інтертекстуальні образи і прийоми відображення внутрішнього пошуку героя, встановлюється типологія героїв класичних літературних і сучасних персонажів, художній простір роману розглядається як реалізація принципу карнавалізації.

Ключові слова: постмодернізм, карнавалізація, гротеск, самоідентифікація особистості героя.

Аннотация

Н. НЕВЯРОВИЧ. ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ "ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ" В ГРОТЕСКНОЙ ПРОЗЕ А. СЛАПОВСКОГО. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

В статье исследуется проблема личностной идентичности и нравственного самоопределения героя в гротескно-игровой парадигме постмодернистского романа "Я-не-Я"; анализируются интертекстуальные образы и приемы отображения внутренней динамики героя, устанавливается типология героев классических литературных и современных персонажей, художественное пространство романа рассматривается как реализация принципа карнавализации.

Ключевые слова: постмодернизм, карнавализация, гротеск, самоидентификация личности героя.

Summary

N. NEVYAROVICH. PROBLEM OF SELF-IDENTIFICATION OF "A HERO OF OUR TIME" IN A. SLAPOVSKI'S GROTESQUE PROSE. ARTICLE 1

The article deals with the problem of personal identity and hero's moral self-determination in a grotesque and playing paradigm of postmodern novel "Me – Not-Me". The author analyses intertextual images and ways of reflecting the hero's internal dynamics, ascertains typology of classical literary and modern characters, considers the artistic space of the novel as realization of carnivalization principles.

Keywords: postmodernism, carnivalization, grotesque, hero's self-identification.